

Слышу Федин голос живой.

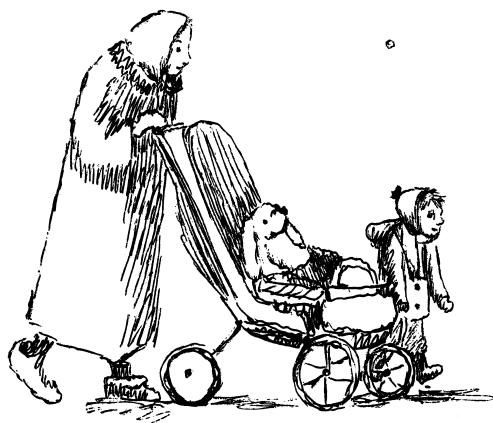
Слышу бабушкин.

Слышу папин.

Не знала, что, когда начну
редактировать эту повесть,
она вернет мне свет,
радость и надежду.

Папе от Саши

Часть первая

— Помнишь, бабушка, когда я маленьким был...

— Это когда же такое было, Феденька?

Ничего не помнит бабушка. Память у нее девичья.

— Вчера, бабушка!

— А...

— Бабушка...

— Что, Федя?

— Расстроишься ты, если я умру?

— Очень расстроюсь, Феденька.

Так и думал я.

— Бабушка!

— Что, Феденька?

— Нужно тогда, чтобы ты первая умерла, а я за тобой...

— Ладно, Феденька.

— Только не завтра умирай ты, бабушка.

— Хорошо...

— ...И не послезавтра умирай, бабушка!

Небесный почтальон Федя Булкин

- Хорошо, Феденька...
- ...И послепослезавтра тоже не умирай...
- А когда же умирать мне, Феденька?
- Когда я скажу.

Так и договорились мы с бабушкой, что умрет она до меня, но только с моего разрешения.

Из тетради Феединой: о небесных геологах

Поехали мама с папой мои строить Город Небесный, сказала бабушка. Командировка, ясное дело.

Мама с папой мои геологи. Без геологов в строительстве никуда. Осваивает советский народ новые территории, а какие! Если делаем мы с бабушкой в сердце Родины нашей – Москве – утреннюю гимнастику, в Петропавловске на Камчатке – полночь!

В прошлый раз папа с мамой БАМ ездили строить, прокладывать магистраль Байкальско-Амурскую, долго строили, до-олго... вернулись, а я уже вот посюда! Даже и не узнали меня; мама ахнула, а папа сказал: «Ну, брат, не узнать тебя! Как подменили...»

Очень испугался я: вдруг и вправду бабушка, пока их не было, меня подменила?

Тогда вернулись они, я еще вот посюда был, а теперь вернутся они, я уже вот посюда...

Глобус кручу. Хочу найти Город этот Небесный. Только очень мелко на глобусе города пи-

Часть первая

шутся, прямо блохи. А читать я уже научился. Вернулся папа с мамой мои, так и ахнут! Да, бабушка?

— Что, Феденька?

— Это так я, бабушка, ничего.

«Нельзя хвастаться, Федя, делами хорошими... — угрожает бабушка. — Скажешь вслух, и оно у Бога за хорошее уже не считается». А зачем совершать хорошее, если о нем ни гу-гу?! Плохие дела нужно тайно делать, считаю! Разбил чашку, замети потихоньку в совочек, если бабушка, как бабахнулось, сослепу не услышала, выкини по-хорошему, быстренько, чтобы ее не расстраивать. Потому что расстраивать бабушку тоже плохо. Папа так и сказал, когда уезжали: «Веди себя хорошо. Не расстраивай бабушку! Ты один, пока меня нет, за мужчину...»

За мужчин за всех я один, понимаете? А бабушка хоть и старая, а все равно тоже женщина, из-за чашки разбитой знаете как расстроится! Да же, бабушка?

— А?

— Вот если бы, например, я, бабушка, разбил бы чашку какую-то, ты бы расстроилась?

— Господи помилуй! Какую?!

— Я к примеру сказал это, бабушка...

Сами видите...

Так что о хорошем нужно рассказывать, иначе никогда не заметит бабушка, что я посуду помыл, у ней память девичья, так и будет думать до смерти самой, что это она сама ее вымыла... а плохое в совочек. Вот и выйдет одновременно два дела:

хорошее и плохое, и оба за компанию не рассказывать, потому что плохое дело, что чашку разбил, потянуло с собой хорошее, что бабушка не расстроилась. У нее этих чашек, знаете? Войско! Целая чайгоняльная армия. Бей и бей потихонечку, партизаном...

— Бабушка!

— Что, Феденька?

— А давай я, бабушка, тебе мусор выкину?

— Выкини, пожалуйста, Феденька...

Вот и третье дело хорошее! Где одно хорошее — там другое! Как грибы в лесу. Как троллейбусы шестьдесят первые. Где один троллейбус шестьдесят первый пришел, там и следующий, вереницей.

— Потеряться, наверно, боятся, бабушка...

— Кто?

— Троллейбусы!

— Юморист...

Ко всему относиться нужно с юмором, бабушка!

Мамочки мои... страсть господняя... таракан!!!

Четыре вышло уже дела моих в хорошие! Я для Бога (хотя и нет его, это точно!) все же за жизнь составил бы список (на всякий случай, вдруг есть?) в два столбика:

ДЕЛА ХОРОШИЕ

ПЛОХИЕ ДЕЛА

«У Бога нас много», — сказала бабушка. Занятой человек! А я и сам уже писать научился...

Часть первая

ДЕЛА ХОРОШИЕ:

1 — что бабушка из-за чашки, что брякнулась, не расстроилась.

2 — что мусор я выкинул.

3 — что не сказал, что выкинул мусор, бабушке (потому что я сперва предложил его выкинуть, а потом уже выкинул, чтоб не думала опять она, что сама).

4 — и еще, чтоб, выкидывая сама, не заметила черепки!

Четыре уже хороших дела! Говорю же, добрые дела, как троллейбусы, чередой!

Где же все-таки Город этот Небесный на глобусе?..

ЕВРАЗИЯ, АЗИЯ, АФРИКА... наверное, большой должен быть, чтобы все, кто строить его поехали, уместились?

Голубым, наверное, тут раскрашен. И тут и тут голубым... Кручу, кручу... В какую сторону папа с мамой живут, если по всему глобусу лужи, лужи?.. Где тут папа с мамой мои?!

— Все, что на глобусе, Федь, Бог на земле рисовал. Моря, острова... Вот тут мы с тобой живем, Москва написано, видишь? Вот тут в городе Тольятти наши: тетя Оля, Григорий Михайлович, Женечка... Здесь вот мы с тобой были, море Черное, помнишь? Город Анапа. А Град Небесный на небе, не на земле.

— На самолете лететь?

— Самолеты, Федь, ниже летают.

Не зря я космонавтом, как Юрий Гагарин, стать собираюсь. Вон как, оказывается, высоко Град строят, если и самолетов выше...

— На ракете?

— На ракете, вырастешь и на Луну полетишь. А Город Небесный еще и Луны повыше.

Очень уж высоко! Но не очень. Зря уверена бабушка, что без Божьей помощи не добраться.

— Без Божьей помощи, Федь, и каши не сварить.

— Да зачем она вообще людям, бабушка, твоя каша?!

До каких высот добрались строители! Землю застроили, небо перешагнули, космос теперь осваивают! Папе с мамой, конечно, некогда там, дело важное у них, понимаю...

Но как стану космонавтом, долечу до Луны, там осмотримся, и так скажу своим космонавтным товарищам: а теперь летим в Город Небесный, товарищи! К папе с мамой!

— На какой планете, ты думаешь, бабушка, папа с мамой строят сейчас? На Юпитере или на Марсе?

— ...А карту, как в Град Небесный лететь, на небе, Федя, Господь нам звездочками означил. Млечный Путь называется. Звездный град. От Большой Медведицы это направо...

Вот как! План начертил, слава богу, Бог для тех, кто к папе с мамой лететь захочет. Значит — увидимся. А то уж очень скучаю...

Так иногда скучаю, что сквозь слезы в глазах сердце щиплет.

Часть первая

— В скафандре нужно лететь, да, бабушка? Без скафандра в космосе в смерть удохнешься, пока долетишь.

— Душе, Федя, скафандэры зачем? Покинет душа тело и без всякого скафандэра в миг один жива долетит, если хорошо себя вести будешь...

— Просыпайся, Федя, в садик пора.

— Не пойду сегодня в садик я, бабушка.

— Это что еще за новости, Федя?

— У меня душа далеко...

— Это где ж она, Феденька?

— В Петропавловске, бабушка. На Камчатке.

* * *

И все-таки уж очень соскучился я! Даже фотография не всегда помогает. Ясно, конечно, по фотографии этой, что хорошо папе с мамой в Граде Небесном живет-строится. Вон они как друг с дружкой стоят, обнявшись, в стекло улыбаются. Только кому-то там без меня, может быть, хорошо, а мне какво?

— Бабушка!

— Что, Федя?

— Ты бы что за то, чтобы папа с мамой мои вернулись к нам, отдала?

— Все отдала бы, Федя.

— И меня?!

— Тебя никому не отдала бы я, что ты, Феденька...

Я бы тоже, прежде чем отдать тебя, бабушка, передумал...

Небесный почтальон Федя Булкин

— Бабушка?!

— А, что, Федь?

— Есть в Граде Небесном граница?

— Есть. Горизонт называется.

Это там, где небо с морем полосой сходятся. Воображаемая линия, папа мне объяснял, потому что нигде на самом деле не сходятся море с небом. Никакая не воображаемая она. Недостижимая.

Плыли мы с бабушкой раз по морю Черному на трамвае прогулочном...

— Почему без рельсов трамвай этот, бабушка? Как он плавает?

— Он по компасу.

Компас знаю, мне папа показывал, он всегда в одну сторону тыкает. Доплывем!

Только как ни плывет трамвай, все дальше и дальше Бога граница, горизонтальная линия. Вроде и прочерчена лучом по воде, а даже облака вдоль летают.

За границу эту солнце садится, из-за границы с обратной стороны встает.

Заграничное солнце-то... То на той стороне, то на этой...

— Как ты думаешь, бабушка, противно солнцу смотреть после нас на капиталистов с буржуями?

— Солнце, Федя, смотрит, чтобы всем тепло, всем светло, чтобы день настал, чтобы ночь пришла, чтоб зима на лето сменилась...

— А я думаю, бабушка, что противно!

Соленая из глаз вода, когда зареву. Соленая в море.

Часть первая

А море огромное, полосой, где солнце садится, напополам с небом делится.

— Почему, бабушка, в море вода соленая? Селедок солить, или столько люди наплакали?

— Селедок солить...

— А если лосось в томате?

— А это, Федя, в другом море лососей солят.

— Томатное, значит, море есть... Пряного посола...

Ожидал я увидеть море черное, как написано. А оно синее. Синее и соленое.

Пить нельзя. Селедки зато с кильками сами в нем солятся. Ловят потом рыбаки селедок с кильками в сети готовыми, в магазины везут. Ловко устроено. Только лежишь-лежишь, загораешь, и пить так захочется! Денег тратить на лимонад приходится. Жалко было в море, что ли, Богу лимонаду налить?

Лимонадное море...

Есть озеро такое, Байкал. Из озера этого, значит, газированный напиток «Байкал» наливают. Невкусный. Сок березовый — из березы в большие пыльные банки. А в Белом море молоко, наверное... Или снег?

Молочное море... Снежное...

Только с Черным морем ошибся Бог. В нем чернила должны быть или нефть, какую папа мой везде ищет, а он в нем селедок солит?

Очень странно это все, как в книге Чуковского, где баранками море синее тушат. Море нужно водой тушить, тем более что в море ее полно, а от баранок их только хуже будет.

— А есть Синее море, бабушка?

— Есть Красное.

В честь победы социалистической революции, думаю, названо. Тоже красный и флаг нашей Родины. Цвета крови, за справедливость пролитой, флаг! С серпом золотым и молотом.

Только все равно очень странно мне, море Черное — цвета синего, море Белое — тем же синим на глобусе. Вот как будто не взрослый, а маленький все раскрасил...

По всей земле тянется горизонт, как пояс по бабушке.

— Переходили люди, бабушка, горизонт? Или там пограничники? Овчарки с собаками? Есть у горизонта нейтральная полоса?

Хорошее дело — нейтральная полоса! Про нее Владимир Высоцкий, мамин любимый (кроме папы) поэт, поет.

Вот наступит когда война атомная (конец света — по бабушке), нам бы с ней на эту полосу нейтральную перебраться...

— Бабушка?!

— А?

— А на глобусе где граница Горизонт, покажи?

— Нет такой границы на глобусе...

— А на политической карте?

Вот потому что не прочертил Бог на карте политической своей границы, ее люди многие пересекают случайно. Не шпионы и не вражеские разведчики. А нечаянно...

А в Город Небесный, думаю, документ нужен, личность удостоверяющий, что она умерла.